

Е. А. Княжецкая

Начало русско-французских научных связей

Французский ежегодник 1972

М.: Наука. 1974. С.260-273

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Время возникновения научных отношений между Россией и Францией определяется исследователями вполне точно. Это лето 1717 г., когда Петр I прибыл в Париж, где он прожил около двух месяцев. Царь широко воспользовался своим пребыванием в столице Франции для посещения научных учреждений и встреч с учеными.

Приведем сведения о наименее известных из этих встреч. Петр часто посещал мастерскую научных инструментов ученого, физика и математика, кармелитского монаха Себастиана Трюше. С некоторых научных приборов и инструментов, особенно понравившихся царю, для него были сделаны чертежи¹. Себастиан Трюше неоднократно сопровождал царя в пригород Парижа Берси, где находилась большая коллекция машин и научных инструментов. Собрал их генеральный директор почт, ученый-механик граф Луи Пажо д'Онс ан Брэ (в другой транскрипции — граф д'Озамбрэ). Многие машины и приборы он изобрел сам. Петр высоко оценил коллекцию, собранную в Берси. В знак уважения к ее создателю царь, вернувшись в Россию, послал ему свои токарные работы и станок, на котором они были изготовлены².

Неоднократно царь Петр посещал мастерскую земных и небесных глобусов Жана Пижона. Во время одного из этих посещений Пижон показал сделанную им по системе Коперника модель движущейся небесной сферы. Она так понравилась Петру, что он тут же приказал купить ее за 2 тыс. руб.³ Следует сказать, что Петр с юных лет интересовался астрономией и хорошо ее знал. Он был сторонником учения Коперника.

Современники пребывания Петра во Франции писали о разносторонних научных знаниях русского царя и особо отмечали его большой интерес к географии. Герцог де Ришелье в своих записках сообщал, что, находясь в столице Франции, Петр собственноручно исправил карту России. Вольтер в «Истории России при Петре Великом...» упомянул, что во время встреч с французскими учеными царь поправил ошибки на географических картах России, в особенности на карте Каспийского моря⁴.

Интересны свидетельства лиц, непосредственно встречавшихся с Петром в Париже. Утром 19 июня царь посетил высшее судебное учрежде-

¹ Ленингр. отделение Архива АН СССР (далее — ЛО Арх. АН СССР), ф. 1, оп. 3, № 5, лл. 57—58, 1717.

² Louis-Léon Pajot, comte d'Ons en Bray.— Biographie universelle, t. 31. Paris — Leipzig, s. a., p. 284.

³ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя Петра Алексеевича.— «Русский вестник», 1841, т. 2, № 5, стр. 406—407.

⁴ Пребывание Петра Великого в Париже. Из записок герцога де Ришелье.— «Телескоп», 1831, март, № 5; [Voltaire]. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand..., t. 2. Amsterdam, 1764.

ние Франции — парижский парламент. По случаю приезда высокого гостя члены парламента собрались на торжественное заседание; все были в парадной одежде — бархатных шапочках и мантиях, подбитых горностаем. Перед началом заседания Петр осмотрел помещения парламента. Войдя в библиотеку, он увидел глобус с неверным изображением Каспийского моря и тут же исправил его очертания. Этот факт занесен в протоколы парламента⁵. Днем раньше, 18 июня, Петр пригласил к себе французского ученого-географа Гийома Делиля и показал ему две новые русские рукописные карты: Каспийского моря и Средней Азии⁶. Впервые в истории картографии на них были даны верные очертания Каспийского моря и указано правильное направление течения Амударьи и Сырдарьи в Аральское, а не в Каспийское море.

19 июня днем, после посещения парламента, царь направился на заседание Королевской Академии наук. Здесь произошло интересное событие, оставившее заметный след в развитии франко-русских научных связей. Сохранился рассказ одного из приближенных Петра, сопровождавшего его в академию. До того, как удалось обнаружить это сообщение современника, считалось, что Петр I был избран членом французской Академии наук уже после своего отъезда из Парижа — 22 декабря 1717 г. На самом же деле это произошло на полгода раньше.

Войдя в зал, где в ожидании царя находились французские ученые, Петр попросил членов собрания сесть, «дабы мог он видеть порядок академического заседания». Он внимательно выслушал научные сообщения академиков и в конце заседания подарил Академии наук новую русскую карту Каспийского моря, показанную им накануне географу Делилю. Карту приняли с благодарностью, и тут же было объявлено, что русский царь избран членом Королевской Академии наук⁷.

Интересно отметить, что в протоколе заседания Академии наук от 19 июня не упоминается об избрании Петра и о подаренной им карте; в нем только перечислены имена ученых, присутствовавших на заседании, и упомянуто, какие приборы и опыты они показывали русскому царю. К протоколу приложен «Церемониал царского посещения». Вопреки приведенному выше сообщению современника событий в «Церемониале» сказано, что во время заседания Петр I не садился и все присутствовавшие тоже стояли⁸. Можно предположить, что и протокол, и «Церемониал» были составлены заранее, в соответствии с правилами приема высокопоставленных лиц. По-видимому, этим можно объяснить тот факт, что решение французской Академии наук, принятое 19 июня 1717 г., осталось незамеченным исследователями. Впервые этот вопрос был рассмотрен только в 1960 г.⁹

20 июня, на следующий день после посещения царем Академии наук, президент ее, аббат Биньон, получил письмо от одного из приближенных Петра, сопровождавших его в Париже: «Вчера я имел честь предложить вам, сударь, принять его царское величество в вашу академию. В настоящее время я имею честь просить вас не думать более об этом и ничего в этом направлении не предпринимать. Его величество очень ценит внимание, которое вы оказали ему, и я со своей стороны также

⁵ Journal du marquis de Dangeau, t. 18. Paris, 1860, p. 410—412.

⁶ *Delisle l'ainé*. Détermination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre.— «Histoire de l'Académie royale des sciences. Année 1720». Paris, 1722, p. 382.

⁷ Журнал ежедневный..., стр. 401—413; см. также: Медаль на память пребывания его величества императора Петра Великого в Париже 1717 г. (СПб., 1771).

⁸ Протокол и церемониал заседания от 19 июня 1717 г. хранятся в архиве Академии наук Франции (А. П. Голицын. Петр I — член Парижской Академии наук.— «Русский заграничный сборник», ч. 3, тетр. 3. Париж, 1859, стр. 4—5).

⁹ Е. А. Кляжецкая. О причинах избрания Петра I членом Парижской Академии наук.— «Изв. ВГО», 1960, т. 92, вып. 2, стр. 156.

благодарю вас от всего сердца за вашу любезность. Я буду пользоваться каждым случаем, чтобы выказать вам за это свою благодарность, имея честь быть с совершенным почтением и уважением ...» На обороте письма надпись: «Аббату Биньону. Париж, 20 июня 1717 г.»¹⁰

Содержание письма не оставляет сомнения в том, что вопрос об избрании был поднят с ведома и по желанию царя одним из его спутников. Весьма вероятно, что мысль об избрании во французскую академию появилась у Петра задолго до поездки во Францию. Упрочившееся международное положение России, ее успехи в Северной войне могли способствовать этому. Налицо были и научные заслуги, необходимые для избрания в прославленную Академию наук. Первая в истории картографии верная карта Каспийского моря, привезенная Петром во Францию, сообщенные им совершенно новые для Европы сведения о направлении течения Амударьи и Сырдарьи не в Каспийское, а в Аральское море, существование которого было неизвестно французским ученым,— все это было серьезным основанием для Петра, чтобы назвать свое имя в качестве кандидата в академики.

Содержащийся в письме отказ царя от избрания, несомненно, был продиктован серьезными причинами. По-видимому, Петр был недоволен ходом дипломатических переговоров, происходивших в Париже, и пытался его ускорить. Даты подтверждают такое предположение. Письмо с отказом было написано 20 июня 1717 г. В тот же день состоялись последние переговоры царя с регентом, увенчавшиеся успехом. На другой день, 21 июня, Петр выехал из Парижа.

В октябре 1717 г. он вернулся в Россию. В результате пребывания царя во Франции завязалась длительная переписка (1717—1721 гг.). Ознакомление с ней дает ясное представление о том, как развивались русско-французские научные отношения, и показывает, как французские ученые оценили научные интересы русского царя.

Переписка, за исключением одного русского письма, велась на французском языке. Некоторые письма опубликованы на языке подлинника, другие — в русском переводе, остальные никогда не печатались. Публикация происходила во Франции и в России на протяжении двухсот сорока лет (1720—1960 гг.). Нам представляется целесообразным, не отсылая к прежним, большей частью труднодоступным изданиям, собрать этот разрозненный материал в хронологическом порядке и привести тексты всех писем на русском языке¹¹. Такой свод всей переписки до сих пор не публиковался.

Первое письмо было получено в Петербурге от президента Академии наук аббата Биньона, адресовано оно лейб-медику Арескину¹².

Письмо Биньона Арескину 10 августа 1717 г.

«Сударь. Доброта, с которой его величество соблаговолил отозваться о нашей академии в день ее посещения, позволила нам думать, что он простит смелость, которую мы берем на себя, преподнося ему собрание всех наших печатных работ начиная с 1699 г. Его величество, присутст-

¹⁰ ЛО Арх. АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 5, л. 124. Имя автора письма неизвестно, так как в архиве хранится только его черновик, без подписи. Можно предположить, что это был лейб-медик Петра, шотландец Роберт Эрскин. В России его фамилию произносили Арескин или Арешкин. В дальнейшем вся переписка велась при его непосредственном участии.

¹¹ Ранние переводы, как правило, сделаны устаревшим языком, часто с искажениями текста. Для настоящей статьи перевод всех писем выполнен нами заново.

¹² О существовании этого письма историкам было известно давно, но найти его долго не удавалось (А. И. Андреев. Основание Академии наук в Петербурге. — «Петр Великий». М. — Л., 1947, стр. 291). В 1960 г. письмо было обнаружено нами в ЛО Арх. АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 5, лл. 91—92.

вуя на нашем собрании, был так любезен, что держал себя с нами, как член нашей академии. Это собрание работ является данью, которой мы ему обязаны, так как среди академиков нет никого, кто заслуживал бы ее в такой же степени.

Хотя в науке господствует известное равенство между теми, кто ею занимается, а различие определяется не столь рангом, сколь гением, талантом и преданностью (наукам.— *Е. К.*), высокое положение его величества так возвышает его над прочими, что мы не можем позволить себе смелость считать его в числе лиц, составляющих академию. Но мы никогда не забудем беспримерную благосклонность, которую он оказал нам, присутствуя среди нас и приняв участие в заседании наряду с другими. Тем более мы не забудем, что его величество милостиво подал нам надежду на получение сообщений о находках редкостей в его обширных владениях и в то же время предложил нам сообщать ему о наших работах.

Господин д'Озамбрэ согласился доставить 15 томов наших трудов, которые я прошу вас преподнести его величеству как первую дань нашего уважения, прося его одобрить то, что мы будем так же поступать и со всеми нашими новыми открытиями. Перед нашими взорами будут постоянно присутствовать его возвышенный ум, его поразительные познания, его удивительная любовь к совершенствованию наук и искусств.

Что касается меня, я непрестанно, с бесконечным удовольствием вспоминаю милостивое внимание, которое его величество оказал мне, выходя после нашего собрания. И если бы я не опасался нарушить глубокое уважение, которое я обязан ему оказывать по столь многим причинам, я принес бы свои смиренные благодарности. Лыщу себя надеждой, что вы уверите его величество в моей признательности и в моем почтении. Взамен, прошу вас, соблаговолите располагать мной в моей стране так, как вам будет это удобно, и вы увидите по точности, с которой я буду следовать вашим намерениям, с каким уважением я являюсь, сударь, вашим смиренным и покорным слугой аббатом Биньоном».

Из этого письма впервые становится известным, что царь Петр, находясь в Академии наук Франции, предложил ее членам установить научные связи с русскими учеными. Обращает на себя внимание осторожный, дипломатический характер письма: не упоминается о состоявшемся решении Академии наук избрать Петра своим членом, ничего не сказано о его отказе. Несмотря на это, в ответном письме аббату Биньону Арескин сообщил, что царь весьма удовлетворен тем, что академия хочет избрать его в свою среду. Напомним, что переговоры между Россией и Францией летом 1717 г. закончились успешно, следовательно, не было оснований настаивать на отказе от избрания.

Письмо Арескина Биньону от 7 ноября 1717 г.

«Сударь. Ваше особое дружелюбие и любезное обращение, так же как и мое утомительное путешествие и трудные дела, которыми я был обременен, расставшись с вами, возможно, предохранят меня от ваших справедливых упреков в том, что я так долго не отвечал на письмо, которое вы оказали мне честь написать 10 августа.

Его величество очень удовлетворен тем, что ваше знаменитое общество хочет включить его в число своих членов, предложив ему свои славные труды начиная с 1699 г. как дань, принадлежащую по праву каждому академику; он будет искать случая выразить за это свою признательность. Его величество одобряет также вашу мысль, что в вопросах науки предпочтение отдается меньше рангу, чем гению, талантам и их применению; точным исследованием достопримечательностей в своем государстве и новыми открытиями он постарается, сообщив их вам, заслужить имя

достойного члена вашей знаменитой академии. Что касается вас, сударь, его величество очень ценит ваше отношение к нему во время его пребывания во Франции и ждет случая изъяснить вам свою дружбу.

Что касается меня, я чрезвычайно обязан вам, сударь. Я всегда буду помнить о ваших высоких способностях и той исключительной учтивости, которая привлекает к вам дружбу и уважение всех достойных людей. Ваш смиренный и покорный слуга Арескин. Петербург, 7 ноября 1717 г.»¹³

Это письмо Арескина было оглашено 22 декабря 1717 г. на заседании Академии наук в Париже. Присутствовавшие единогласно избрали русского царя академиком «вне всяких рангов» (*hors de tout rangs*¹⁴).

24 декабря 1717 г. президент академии аббат Биньон направил в Петербург два письма: царю Петру и лейб-медику Арескину — с выражением от имени всех академиков чувств признательности и радости.

Письмо Биньона Петру I от 24 декабря 1717 г.

«Ваше величество. Имея честь председательствовать в обществе, в которое вы благоволили войти, я полагаю, что мне позволено будет сообщить вам о благодарности и радости, которые оно проявило, узнав эту счастливую новость. Господину Фонтенелю, секретарю академии, было поручено высказать вашему величеству все то, что собрание в целом и каждый в отдельности почувствовал при этом. Никто не может сделать этого лучше, чем он. Таким образом, я положусь на него во всем, что надлежит сказать вашему величеству.

Я ограничусь заверением, что нет никого среди нас, кто не был бы восхищен возможностью сделать для вас что-либо приятное. Вашему величеству следует только приказать нам; вам, несомненно, известно, что нет такой области науки, в которой кто-либо из членов академии не мог бы вас удовлетворить. Мы всегда будем считать особой милостью, если вы захотите что-либо нам повелеть. Это чувство вызвано в нас не вашим сном, оно происходит, скорей, от восхищения вашими великими замыслами, которые вас непрестанно занимают.

Можно только пожелать, чтобы в стране, до сих пор мало доступной наукам и искусствам, оказались бы подданные, способные соответствовать прекрасным намерениям вашего величества. Прошу верить, что я более, чем кто-либо другой, проникнут этими чувствами.

Смиренный и покорный слуга вашего величества
аббат Биньон»¹⁵.

Письмо Биньона Арескину от 24 декабря 1717 г.

«Сударь. Письмо, которое вы оказали честь написать мне 7 числа прошлого месяца, так почетно для нашей академии в целом и для меня в частности, что я не смогу в достаточной мере выразить вам за него свою признательность. Ничто не могло бы лучше раскрыть великие намерения и превосходные дарования царя, чем образ его мыслей, касающихся наук и заслуг тех, кто ими занимается; со времен древности не было никого достойного сравнения с этим новым героем. Быть рожденным в стране с такой неблагоприятной природой, в которой до сих пор не занимались искусствами, и, несмотря на это препятствие, возмечь прекрасное намерение сделать эту страну такой же процветающей, как Греция и Италия в их лучшие дни, не ограничиваться только замыслами,

¹³ «Histoire de l'Académie royale des sciences. Année 1720». Paris, 1722, p. 125—126 (первая пагинация).

¹⁴ А. П. Голицын. Указ. соч., стр. 7.

¹⁵ Избрание Петра Великого в члены французской Академии наук. — «Отечественные записки», 1821, ч. 5, № 10, стр. 180—183.

но и претворять их в жизнь и подавать большие надежды на успех, в этом случае, на мой взгляд, история также не оставила примеров.

Несомненно, что великие намерения его величества побудили его не пренебречь тем, что его имя появилось во главе нашей академии. Но я уверен в то же время, что этим мы обязаны главным образом вам. Нам остается выразить свою признательность и, чтобы сделать нашу радость полной, иметь возможность добавить ваше имя в наши списки. Но так как количество мест ограничено, мы вынуждены ждать какой-нибудь вакансии. Как только такая возможность представится, я прошу вас одобрить то, что академия высказывается за ваше единогласное избрание, это не будет вам стоить никаких забот. Академики вашего ранга находятся в различных странах Европы, более близких к нам, чем к Северу, и мы узнаем о потере кого-нибудь из наших коллег скорей, чем вы. Поэтому я полагаю, что все избирательные голоса вскоре объединятся, чтобы назвать вас, если вы только не дадите мне знать, что такое звание не будет вам приятно.

Между тем я буду заботиться о том, чтобы собрать наши новые открытия, а вас я прошу напомнить его царскому величеству, что вы дали от его имени обещание сообщать нам о достопримечательностях его обширного государства. Это даст мне счастливый повод поддерживать с вами столь же полезную, сколь и приятную связь и чаще говорить вам, что никто не будет более меня, сударь, вашим смиренным и покорным слугой.

Аббат Биньон»¹⁶.

В этом письме обращает на себя внимание практический подход к делу — обещание следить за известиями о смерти академиков, с тем чтобы выставить кандидатуру Арескина на первое вакантное место. Просьба президента Биньона напомнить царю о предложенных им научных связях свидетельствует о том, что они представляли несомненный интерес для ученого мира Франции.

Благодарственное письмо постоянного секретаря Академии наук Бернара Фонтенеля Петру I было написано несколько позже.

Письмо Фонтенеля Петру I от 13 января 1718 г.

«Государь. Королевская Академия наук никогда не претендовала бы на честь, которую ваше величество ей оказали, если бы вы сами не позволили поставить ваше августейшее имя во главе тех, кто ее составляет. Науки, покровительствуя которым вы соблаговолили снизить до состояния частного лица, возвысят вас путем справедливой признательности до ранга величайших монархов — Августов и Карлов Великих. Королям свойственна слава завоевания новых подданных путем оружия, как это делали и вы, но значительно реже приносит славу просвещение подданных, делающее их более счастливыми. Ваше обширное государство не дало бы достойных вас подданных, если бы вы не взяли на себя благородную заботу просветить и образовать их.

Академия будет счастлива, если сможет способствовать осуществлению ваших замыслов, и она надеется, что, воодушевленная честью, оказанной вами, она будет более, чем когда-либо, способной на это; по крайней мере она возьмет на себя смелость представить отчет о своих усилиях вашему величеству и уверить вас в глубоком благоговении и вечной признательности. Те же чувства испытывает все наше собрание.

Смиренный и покорный слуга вашего величества
Фонтенель,

постоянный секретарь Королевской Академии наук»¹⁷.

¹⁶ ЛО Арх. АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 5, лл. 93—94.

¹⁷ Избрание Петра Великого членом французской Академии наук. — «Отечественные записки», 1821, ч. 5, № 10, стр. 180—183.

В конце следующего года Фонтенель снова обратился с письмом к царю Петру.

Письмо Фонтенеля Петру I от 27 декабря 1719 г.

«Ваше величество. Честь, которую вы оказали Королевской Академии наук, согласившись, чтобы ваше августейшее имя было помещено во главе списка ее членов, бесконечно выше самых честолюбивых представлений, которые она могла бы возыметь, и всех изъявлений благодарности, которые мне поручено вам передать.

Это великое имя, которое нам почти дозволено считать среди наших имен, вечно будет ознаменовывать эпоху счастливейшего переворота, который только может произойти в государстве, а именно: воцарение наук и искусств в обширных владениях вашего величества. Победа, которую вы одержали над господствовавшей там грубостью нравов, будет самой блистательной и самой необыкновенной из всех ваших побед. Вы приобрели себе, подобно другим героям, новых подданных при помощи оружия, но из тех, которые подчинены вам от рождения, вы сделали, просветив их знаниями, совершенно новых людей, более счастливых, более достойных повиноваться вам. Вы покорили их наукам, и этот вид завоевания, так же полезный для них, как славный для вас, был вам предназначен. Если исполнение этого великого замысла, задуманного вашим величеством, вызывает похвалы всего света, то с каким же восторгом академия присоединит к ним свои одобрения, ради пользы наук, которым она себя посвятила, и ради вашей славы. Академия надеется, что часть этой славы отныне отразится на ней.

С глубочайшим уважением, вашего величества смиренный и покорный слуга Фонтенель»¹⁸.

29 сентября 1720 г. аббат Биньон направил Петру письмо с похвальным отзывом об Андрее Нартове, личном токаре царя, который проходил в Париже курс математики и механики и совершенствовался в токарном искусстве. Биньон напоминал Петру о его пребывании в Париже.

«Ваше величество. Не могу выразить, с какой радостью я пользуюсь представившимся случаем, чтобы напомнить вам о себе». (Далее идет похвальный отзыв о Нартове.) «Франция, счастливая тем, что вы пробыли в ней некоторое время, и чьи ученые счастливы, что могут считать вас своим главой, объединилась с остальной Европой, восхищаясь тем, что ваше величество делает ежедневно для преуспеяния наук и искусств в вашей стране. Государи могут обессмертить себя этой стороной деятельности в неменьшей степени, чем громом победы. Это государство, где вы царствуете с такой славой и мудростью, станет цветущим благодаря вашему блистательному покровительству искусствам и наукам, так же как благодаря вашим многочисленным победам ...

Вашего величества смиренный и покорный слуга
аббат Биньон»¹⁹.

В конце января следующего 1721 г. Петр распорядился написать ответ на письма Биньона и Фонтенеля. От имени царя в Коллегии иностранных дел составили грамоту. Текст ее исправил сам Петр. Грамота была запечатана государственной средней печатью, помечена 11 февраля 1721 г. и собственноручно подписана Петром. Адрес на грамоте написан по-латы-

¹⁸ «Histoire de l'Académie royale des sciences. Année 1720». Paris, 1722, p. 126—127 (первая пагинация).

¹⁹ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 530—532.

ни: «Regiae Gallicae illustri Scientiarum Academiae» (Королевской французской знаменитой академии наук)²⁰.

Грамота публиковалась неоднократно, но с отклонениями от текста, пропусками и в некоторых случаях с ошибками²¹.

В ЛО Архива АН СССР имеется фотокопия грамоты Петра I, хранящейся в Париже (см. рис.) Приводим по этой фотокопии полный ее текст с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

«Божиею милостию мы Петр I царь и самодержец всероссийский и протчая и протчая и протчая.

Объявляем королевской французской Академии наук милостивое наше поздравление. Нам неинако как zelo приятно быть могло что вы нас членом в свою компанию избрали. Мы також не хотели оставить неоказав вам зато сим нашего признания и необнадежа вас что мы с великим удовольствием то место которое вы нам представляете приемлем и что мы ничего болше нежелаем как чтоб чрез прилежность, которую мы прилагать будем науки в лутчей цвет привести, себя яко достойного вашей компании члена показать. Мы повелели нашему первому лейб медику Блюментросту вам от времени до времени сообщать о том, что в государствах и землях наших нового и разсуждения академии достойного случитца, и нам zelo будет приятно, ежели вы с ним корреспонденцию содержать и от времени до времени оному взаимно сообщать будете какие новыя декуверты от академии учинены будут. До сего времени не было еще никакой подлинной карты Каспическому морю. Мы для того оное море чрез нарочно от нас туды отправленных искусных морских людей осмотреть и верную и акуратную карту зделать велели, что оныя наши посланные чрез двулетней труд то учинили сколько по морскому обычаю с воды им возможно было, которую при сем к академии в память нашу посылаем в надежде, что оная яко новая и верная вам приятна будет. В прочем ссылаемся мы на то, что наш первой лейб медикус писмянно и объявитель сего наш библиотекарис изустно пространнее доносить будут. Дано в Санкт Питерзбурге 11 февраля 1721

Ваш благосклонный Петр».

Грамоту повез в Париж библиотекарь Иоганн Даниил Шумахер. К ней были приложены: новая карта Каспийского моря²² и письмо французской Академии наук от лейб-медика царя Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста, который заменил умершего в 1718 г. Арескина.

*Письмо Л. Л. Блюментроста французской Академии наук
от 14 февраля 1721 г.*

«Считаю излишним, милостивые государи, говорить вам что-либо о той заботе, с какой его царское величество собирает все достопримечательное и редкое, что природа и искусство производят в его владениях, и о тех усилиях, которые он прилагает для процветания наук и изящных искусств, бывших здесь до его славного царствования почти недоступными. Вы уже могли достаточно в этом убедиться в то время, когда его величество с удовольствием находился среди вас, и вы еще больше

²⁰ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 295—296; А. П. Голицын. Указ. соч., стр. 8—9.

²¹ А. П. Голицын. Указ. соч., стр. 8—9; «Избрание Петра Великого членом французской Академии наук». — «Отечественные записки», 1821, ч. 5, № 10, стр. 180—183; «Материалы для истории Академии наук», т. I. М., 1885, стр. 5—6; П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 532—533; Первый из русских член королевской парижской Академии наук. — «Маяк», 1840, ч. 1, стр. 3—4; «Русско-французские научные связи». Л., 1968, стр. 20.

²² Карта была составлена по съемкам морских офицеров Карла Петровича Вердена и Федора Ивановича Соймонова, выполненным ими в 1719—1720 гг.

в этом убедитесь, узнав из его письма, что он уже привел в исполнение и над чем он трудится в настоящее время.

Он оказал мне честь, приказав уведомить вас об этом, с большими подробностями, и я рад такому поручению. Радость моя была бы более полной, если бы я узнал, что вы одобряете выбор его величества, оставившийся на мне, и удостоите меня вашей дружбы, которая мне очень дорога. Когда вы лучше меня узнаете, надеюсь, вы не сочтете меня недостойным ее».

Далее Блюментрост подробно разбирает карту Каспийского моря, посланную с Шумахером во Францию, и, сравнивая ее с картой моря, составленной в 1668 г. голландцем Яном Стрьюсом, дает новой русской карте высокую оценку.

«Я должен вам сообщить, что его величество два года назад послал в Сибирь одного из своих врачей, прекрасно осведомленного в естественной истории, чтобы произвести там нужные наблюдения, образчик которых я имею честь вам представить...

Два других ученых трудятся в Астрахани и в Казани²³; таким образом мы надеемся в скором времени дать вам более пространный и полный отчет о том, что природа производит в обширных владениях его царского величества. Просим вас, окажите нам честь своими приказаниями и наставлениями, мы считаем счастьем работать под руководством столь знаменитого, прославленного общества, которое превосходит все когда-либо виденное в этом роде... Что касается меня, то я рассчитываю извлечь для себя значительную пользу и буду с большим уважением и неослабным рвением вашим смиренным и покорнейшим слугой Блюментростом»²⁴.

Грамота Петра и карта Каспийского моря были переданы французской Академии наук на ее заседании в Лувре 5 августа 1721 г. Парижские ученые послали в ответ два письма: лейб-медику Блюментросту от аббата Биньона и Петру I от Фонтенеля.

Письмо Биньона Блюментросту от 12 сентября 1721 г.

«С большим удовлетворением, сударь, мы прочитали милостивое и прекрасное письмо, которое его величество был так добр написать нашей Королевской Академии наук. Такое подлинное свидетельство его любви к людям науки получило общее одобрение, и ничто не может сравниться с нашей признательностью за внимание, которым такой великий государь нас почтил.

Что касается меня, то я восхищен тем, что предложение, изложенное вам его величеством, доставляет мне повод завязать отношения с человеком таких примечательных достоинств, каким являетесь вы. Господин Шумахер, который передал мне ваше письмо, еще увеличил во мне то рвение, с которым я впоследствии буду поддерживать отношения, предложенные вами, и которые, будучи для меня весьма почетными, могут оказаться одинаково полезными как вам, так и нам.

Я нашел в этом ученом такую учтивость, такую тонкость ума, какие только можно пожелать. Его царское величество не мог, по моему мнению, выбрать подданного, более способного выполнить его поручение.

От всего сердца я буду способствовать тому, чтобы служить его намерениям. Его заслуг и вашей рекомендации было бы для этого вполне достаточно, если бы я к тому же так не стремился быть угодным вашему

²³ В Сибирь Петр отправил ученого Данила-Готтлиба Мессершмидта, в Астрахань был послан Готтлиб Шобер, в Казань — Шарль Бодан (*П. П. Пекарский*. Указ. соч., стр. 349).

²⁴ «Histoire de l'Académie royale des sciences. — Année 1720». Paris, 1722, p. 129—131 (первая пагинация).

прославленному государю. Я уповаю, что это письмо произведет ожидаемое мной впечатление и вы согласитесь от времени до времени сообщать мне новости о том, что происходит на Севере в области науки, как и я с величайшим удовольствием буду вас извещать о наиболее значительном в этой области. Затем, сударь, осмелюсь вас попросить напомнить обо мне его царскому величеству, к которому я испытываю чувства глубокого уважения и восхищения... Имею честь быть со всем почтением и возможным рвением вашим смиренным и покорным слугой аббатом Биньоном»²⁵.

Письмо Фонтенеля Петру I от 15 октября 1721 г.

«Ваше величество. Королевская Академия наук считает для себя большой честью письмо, которое вы сооблаговостили ей написать. Она поручила мне от ее имени выразить вам смиренную благодарность. Она чтит вас не только как одного из самых могущественных монархов мира, но и как государя, который употребляет свое беспредельное могущество для водворения наук и искусств в огромной стране, куда они еще не проникали. Если Франция не могла лучше увековечить имя одного из своих королей, как присоединив к его титулу титул восстановителя наук и искусств, то какова же будет слава того монарха, который является первым их учредителем в своем государстве»²⁶.

Академия поместила в свой архив карту Каспийского моря, составленную по повелению вашего величества, и хотя она является единственным и очень важным для географии документом, она еще драгоценнее тем, что служит свидетельством тех отношений, которые ваше величество пожелали поддерживать с академией. Зала, в которой находятся машины, была открыта вашему посланцу, когда он пожелал начертить некоторые из них, для подношения вам. Академия покорнейше просит принять шесть последних томов ее истории, которые вам принадлежат по праву... С глубочайшим уважением вашего величества смиренный и покорный слуга Фонтенель»²⁷.

Этим письмом Фонтенеля заканчивается переписка.

Следует объяснить, почему в грамоте, посланной в Париж, Петр I не упоминает о первой карте Каспийского моря, подаренной им в 1717 г. Академии наук. Составитель этой карты сподвижник Петра князь Александр Черкасский трагически погиб в 1717 г. в Хиве. После его смерти Петру донесли, что карта Черкасского «лживая и вымышленная». Это было клеветой давнего врага Черкасского, его подчиненного гидрографа Кожина. Петр поверил клевете; поэтому и было дано распоряжение составить новую карту моря.

Эти обстоятельства стали известны во Франции. Географ Гийом Делиль писал, что царь не был удовлетворен первой съемкой Каспийского моря и поэтому послал в 1718 г. новую экспедицию для составления более точной карты моря²⁸.

Со времен Петра и до недавнего времени существовало мнение, что в 1721 г. в Париж была послана первая русская печатная карта Каспийского моря, изданная по съемкам Вердена и Соймонова в 1720 г. В 1970 г. нами было установлено, что Петр отправил в Париж не пе-

²⁵ ЛО Арх. АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 7, л. 269, 269 об.

²⁶ Фонтенель, по-видимому, имел в виду французского короля Людовика XIII. В 1635 г. по его указу была основана первая во Франции академия. Она называлась «Французская академия» и вначале объединяла поэтов, баснописцев, писателей, а затем и ученых различных специальностей. Королевская Академия наук, членом которой стал Петр I, была основана в 1666 г. королем Людовиком XIV.

²⁷ ЛО Арх. АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 7, лл. 182—183.

²⁸ *Delisle. Remarques sur la carte de la mer Caspienne, envoyée à l'Académie par sa Majesté Czarienne.* — «Histoire de l'Académie royale des sciences. Année 1721». Paris, 1723, p. 246.

чатную, а рукописную карту моря, составленную в начале 1721 г. специально для подношения Королевской Академии наук. Причиной замены карты были, по-видимому, ошибки в названиях географических пунктов, имевшиеся на печатной карте и исправленные на рукописной.

После того как новая карта была вручена от имени царя Академии наук, Шумахер заказал в Париже три рукописные копии этой карты и поднес их высокопоставленным лицам: одну — регенту Франции герцогу Орлеанскому, другую — маршалу Детре, третью — президенту Академии наук аббату Биньону²⁹.

При отъезде за границу Шумахер получил от царя подробную инструкцию о том, что ему надлежало выполнить во Франции. Основной задачей было тщательное ознакомление с работой французской Академии наук. Петр собирал сведения о научных учреждениях европейских стран, в первую очередь Франции, с тем чтобы применить их опыт при создании Академии наук в России. Затем Шумахер должен был пригласить на русскую службу двух французских ученых: географа и астронома Жозефа-Никола Делиля и анатома Дювернэ. Первый из них дал свое согласие, второй отказался от предложения. По поручению Петра Шумахер посетил мастерские научных инструментов Себастиана Трюше, графа д'Озамбрэ и химическую лабораторию химика Жоффруа, где познакомился с их новыми работами.

В Парижской обсерватории он заказал чертежи машин и инструментов. У парижских мастеров Виньерона и Эслина Шумахер приобрел для царя математические и физические инструменты; в мастерской Жана Пижона купил для Петра небольшой земной глобус³⁰.

Такова история возникновения научных связей между Россией и Францией, представленная в письмах и свидетельствах современников. Анализ этих материалов убеждает в том, что интерес к развитию научных отношений был взаимным. Францию интересовали природные богатства России; Петр стремился заимствовать опыт французских ученых как в теоретических, так и практических вопросах науки. К своему избранию он отнесся с большой ответственностью. Его обещание заслужить имя достойного члена академии нельзя считать только красивой фразой. Французские ученые отдавали должное глубокой заинтересованности царя Петра в научном развитии России. Похвальные отзывы парижских ученых о распространении Петром I наук и искусств в своем государстве нельзя объяснить только высоким саном вновь избранного академика и присущей французам галантностью. Представители французской науки были действительно поражены быстрым развитием просвещения в стране, не имевшей до того научных традиций.

История возникновения научных связей между Россией и Францией приобретает особый интерес в наше время. Начало этим отношениям было положено 255 лет назад.

Résumé

En 1717, Pierre I arriva en France. Pendant le séjour de Pierre à Paris, l'Académie des sciences française l'avait élu au nombre de ses membres. Des causes politiques étaient indubitablement à l'origine d'une telle décision. Les succès de la Russie dans la guerre contre la Suède l'avaient promue au rang des principales puissances européennes. En même temps

²⁹ Е. А. Княжецкая. Новое о карте Каспийского моря К. П. Вердена и Ф. И. Соимонова. — Изв. ВГО, 1970, т. 102, вып. 3, стр. 271—272.

³⁰ ЛО Арх. АН СССР, ф. 121, оп. 1, № 1, лл. 1—2 об., 1719; П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 536—537, 552—554.